

А.Ю. Акулов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ АЙНУ*

Введение в проблему

По словам Каяно Сиро, сына лидера айну Каяно Сигэру, в настоящее время численность айну составляет примерно 30 тысяч человек. Большинство из них, примерно 24–25 тысяч, проживают на острове Хоккайдо, другая часть живет на острове Хонсю.

Согласно выпуску «Этнологии» за 2005 г. [1], на языке айну говорят только 15 человек. Японские антропологи дают другую информацию. Например, Мурасаки Кёко сказала в 2003 г., что на языке айну способны говорить всего лишь 5–6 человек [2]. Ямагути Нориаки, автор сайта «Аynu ruuaga» [3], в 2002 г. сообщил мне, что примерно 40 человек преклонного возраста способны говорить на языке айну.

Представляется очень странным, что данные настолько различны и что количество носителей айнского языка настолько незначительно, хотя тех, кто считает себя айну, насчитывается около 30 тысяч человек. В чем же дело? Возможно ли, чтобы носителей языка было так мало? И почему их так мало? Сколько людей умеет говорить на языке айну в действительности? И может быть, на самом деле общая численность айну намного меньше, чем 30 тысяч? В 2006 г. при поддержке Японского фонда я провел полевое исследование на острове Хоккайдо, чтобы ответить на эти непростые и неудобные вопросы.

Определение носителя языка

Кого можно рассматривать как носителя языка «Х»? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы прежде всего должны задуматься над тем, что значит само по себе слово «говорить».

Говорить — значит производить спонтанные высказывания на языке Х. Человек говорит на языке Х в том случае, если может производить спонтанные высказывания на нем.

* Исследование выполнено в 2006 г. при поддержке Японского фонда.

Следует обратить особое внимание на то, что абсолютно неважно, каким образом он выучил язык X: является ли язык X его mother tongue или он был выучен во взрослом состоянии, совершенно не играет никакой роли. Если человек может производить спонтанные высказывания на языке X, он — носитель языка X. Если мы хотим определить, является ли человек носителем языка X или нет, нам следует обращать внимание только на его способность производить спонтанные высказывания, т.е. только на его коммуникативную способность.

Имея такое определение носителя языка, мы можем легко увидеть, что те айну, которые рассматриваются как носители языка айну японскими антропологами, на самом деле едва ли могут считаться таковыми. Эти так называемые носители айнского языка всего лишь помнят наизусть и могут воспроизвести тексты некоторых легенд, песен и т.д., но их коммуникативная способность равна нулю. Язык айну был их родным языком в детстве и юности, но на протяжении всей жизни они были вынуждены говорить на японском языке и поэтому утратили способность производить спонтанные высказывания. Они всего лишь помнят и могут воспроизвести некоторые услышанные ими в детстве тексты легенд. Однако у меня есть серьезные опасения по поводу того, что эти так называемые «носители языка» на самом деле могут произносить заученные ими легенды, не понимая значения слов и даже без знания грамматики айнского языка. Очевидно, что это не имеет ничего общего с понятием «говорить».

Говорить означает порождать спонтанные высказывания. Например, человек, который вошел в магазин, и говорит, например, «I milk two» в действительности носитель английского языка, а, например, человек, который помнит и может пересказать текст «Гамлета», но не в состоянии выразить что-либо по-английски, — не носитель.

В случае английского языка все предельно ясно и очевидно. Но точно так же и с другими языками. И коль скоро язык айну — один из человеческих языков, то и он не исключение. Поэтому если мы хотим оценить число носителей языка айну, нам следует обращать внимание только на коммуникативную способность носителей языка айну.

Негативные факторы

Я должен отметить, что получить необходимые сведения оказалось очень непросто, поскольку в результате японской колонизации многие из тех, в ком течет айнская кровь, не интересуются айнской культурой и айнским языком и даже иногда выступают против культуры айну.

Вторая сложность заключается в том, что здесь, в Японии, очень непросто получить какую-либо информацию, отличающуюся от общепринятой/официальной точки зрения. Например, если вы спросите японца: «Что вы думаете о событии Х», — то наиболее вероятным ответом будет общепринятая/официальная интерпретация этого события, даже если мнение самого человека по поводу данного события отличается от нее. В связи с тем что на протяжении последних трех веков японцы всегда заставляли айну стыдиться их собственной культуры и языка и в связи с тем что в современной Японии язык айну принято рассматривать как мертвый язык и широко распространено мнение, что только несколько престарелых людей могут говорить на айну, то сами айну, поскольку они являются членами японского общества, также, как правило, говорят только хорошо известные/общепринятые вещи. Подлинная же информация о том, сколько человек умеет говорить на айну, очевидно относится к «индивидуальному», «не общепринятому». Таким образом, речь идет не о том, что кто-то не может сказать, а о том, что об этом не принято говорить... И если вы хотите получить такую информацию, вы должны быть хорошо лично знакомы с теми людьми, которые обладают ею, а установление личных контактов, конечно, требует достаточного времени, поэтому было бы совершенно невозможно получить всю нужную информацию за столь короткий срок, как один месяц.

Кроме того, следует отметить, что структура айнского общества очень сложна: существует множество движений, тенденций, амбиций. Достаточно часто некоторые айну дают очевидно неверную (негативную) информацию о других айну: «не знают язык... не говорят... не умеют...». Наконец, следует отметить, что, возможно, большинство айну не любят рассказывать что-либо о себе антропологам и очень неохотно сотрудничают с ними. Я подозреваю, что такая ситуация — результат действий некоторых японских исследователей, которые использовали айну только в качестве материала для своих научных работ и забывали, что это прежде всего живые люди.

Детальное описание

Во время моего пребывания на Хоккайдо я был свидетелем двух событий в жизни айну: церемонии *Sisyamo kamuy nomi* (4.11.2006 в Сира-нука около Кусиро), фестиваля айнского языка «*Itak=an go*» (11.11.2006 в Самани) — и посетил урок айнского языка в айнской школе в Сираой (23.11.2006).

Везде общение происходило только на японском языке. В Сиранука не говорили на айну, айнский язык использовался только во время молитвы *Sisyamo kamu*, хотя эта церемония и не была предназначена для японцев или туристов. Это была церемония, которую айну устраивали для айну. Самым примечательным было то, что это мероприятие завершилось караоке, конечно, не на айнском языке.

Я приехал туда с Ота Мицуру (*Kamusokkay*). Он является одним из наиболее продвинутых носителей языка айну, знает разные диалекты и разные стили языка. Мы разговаривали на айну, и айнские девушки, сидевшие рядом с нами, сказали нам, что они не понимают английский и хотели бы знать английский лучше.

Затем был фестиваль айнского языка «*Itak=an go*». Фестиваль был более странным, чем *Sisyamo kamu nomi*. Большинство из присутствовавших приехали туда в айнской национальной одежде. Однако они не говорили на айну. Все разговоры велись только на японском языке. Для меня это было очень странно: они приехали сюда специально для того, чтобы говорить на айну... Почему же они не говорят?..

Когда фестиваль начался, я понял, что для них значит «говорить»: всем людям, кто собирался «сказать» что-то на айну, были розданы карточки с номерами. Также имелись брошюры, в которых были напечатаны все «речи» с переводом на японский (для тех, кто не понимал айнский язык). «Ораторы» вставали кафедру в соответствии с их номерами и всего лишь пели песни или читали айнские поэмы, поглядывая в бумажку или в брошюру. Во время кофе-брейка я попытался объяснить некоторым присутствовавшим, что существует большая разница между разговором на языке и пением песен или чтением поэм. Что говорить — всегда значит производить спонтанные высказывания, а пение песен по бумажке совершенно отлично от разговора. Например, я не знаю китайского, но могу достать китайский текст, написанный латинскими буквами, и прочитать его, не понимая значение слов и не зная грамматики китайского языка, и все это будет выглядеть так, будто я умею говорить по-китайски. Но это на самом деле не так.

Однако все говорили мне, что это слишком сложно для них. Я понял, что айну на самом деле не говорят на своем языке, что они не заботятся о собственном языке... Айну заботятся только о том, как правильно носить айнскую одежду...

Но самым неприятным было то, что они не понимают различия между пением и разговором на языке. И даже японские антропологи, которые были там, например Тамура Судзуко, которая сидела перед самой кафедрой, также не видели этой разницы. Это очень прискорбно. Айну могут не

понимать этого различия, но антропологи должны понимать, коль скоро они — антропологи. Или, может быть, они не антропологи?

Затем я присутствовал на уроке айнского языка в школе айнского языка при Музее айнской культуры в Сираой. Это был урок айнского языка, но говорили там только на японском. Все было в точности так, как сказал Асидзава Синъити из Мемориального центра Сягусяина в Сидзунаи: «В этих школах [школах айнского языка] айнский язык преподается на японском». Урок выглядел так: записывались отдельные фразы на айну, и затем их обсуждали на японском.

Там никто не мог говорить на айну. Даже учитель айнского языка. И тогда возникает вопрос: «Какому языку может научить такой учитель? Японскому?». Существуют разные способы изучения языка, но в любом случае, если вы собираете учить язык, вы должны говорить на нем. Иначе это будет всего лишь игра, а не изучение языка.

Когда урок подошел к концу, я вышел вместе с одной женщиной, которая также сказала мне, что здесь, к сожалению, никто не говорит на айну. Я сказал ей, что если не говорить на языке, то языка не выучить. Она согласилась, но добавила, что здесь никто не умеет говорить на айну и никто не может показать им, как говорить, никто не может научить их. Это звучало странно. Я учил айнский язык один. Но я умею говорить на нем, хотя очевидно, что не было никого, кто мог бы показать мне, как говорить правильно.

Конечно, я увидел всего лишь одну школу, но, по словам Асидзава, во всех других была схожая ситуация. Похоже, что в действительности эти школы были организованы для того, чтобы недопустить какое-либо серьезное изучение айнского языка.

Также важно отметить, что все айнские печатные тексты, как-то: брошюры к фестивалю, материалы для урока айнского языка, айнская газета «Aynu Times», написаны по большей части на катакане, и даже если где-то используется латиница, то она непременно дублируется катаканой, тогда как обратное никогда не встречается.

Этот на первый взгляд достаточно невинный факт на самом деле очень негативно влияет на айнский язык. Дело тут вот в чем: в языке айну есть слоги структуры V, CV, VC, CVC. В японском же могут быть только слоги структуры CV, CVn, CCV (если оба согласных одинаковы). Поэтому в записи катаканой все айнские CVC слоги превращаются в CVCV структуры: *pirka* превращается в *pirika*, *mukkur* в *mukkuri/mukkuiri*. Правда сейчас иногда применяют особый вариант катаканы, где знаки, передающие согласные, в два раза меньше основного шрифта, но его начали применять очень недавно, а так обычно писали просто

обычной катаканой, и поэтому все айнские VC слоги превратились в слоги структуры VCV, а айнские CVC — в CVCV структуры.

Изменение фонотактики языка еще полбеда. Но айнские слова, записанные катаканой, становятся абсолютно непрозрачными с морфологической точки зрения, их невозможно анализировать и невозможно понять их смысл, тогда как в записи латиницей морфемные границы очень прозрачны, и вы можете его понять, если видите из каких морфем это слово состоит. Вот очень характерный пример: itak=an go, что переводится как «давайте поговорим». Эта фраза состоит из трех морфем: глагола itak — «говорить», инклюзивного показателя 1 лица множественного числа =an и частицы go, выражающей побуждение сделать что-либо совместно; в записи катаканой, например на афише фестиваля айнского языка и на брошюрах этого фестиваля, это выражение было записано вот так:

イタカンロー

При такой записи, если что и можно отделить, то только частицу go, выделить же глагольный корень и показатель не представляется возможным. Но тут нужно еще учесть японскую традицию писать клитики слитно с ядерным членом, что очень затрудняет понимание и анализ.

Очевидно, что запись катаканой блокирует настоящее понимание, проникновение в структуру языка, и, таким образом, постепенно утрачивается представление о подлинной структуре языка; не говоря уже о том, что катаканой просто-напросто неудобно записывать айнские слова. Но, как это ни удивительно, именно сами айну охотно пользуются катаканой для записи айнских текстов.

Описанные мероприятия (церемония Sisyamo kamuy nomi, фестиваль «Itak=an go» и уроки айнского языка) инициированы организацией «Utari». Таким образом, совершенно очевидно, что «Utari» айну не могут говорить на языке айну.

Те, кто действительно может говорить на языке айну, не принимают участие в так называемых айнских организациях или айнском движении. Они выучили айнский язык сами, без какой-либо материальной поддержки со стороны фондов или японского правительства.

Я встретил только двух человек, действительно умеющих говорить на айну.

Ота Мицуру (Kamusokkay) из города Акабира. Он выучил язык, уже будучи взрослым, и очень хорошо его знает: может говорить на разных

диалектах, владеет разными стилями, и, что наиболее примечательно, пытается как-то развивать язык — вводит новые слова и изобретает новые, чтобы на языке айну можно было описать любой объект современной действительности. В день моего приезда на Хоккайдо он подарил мне свой словарь диалекта Асахигава. Также он очень хорошо знает историю и культуру айну. При этом Kamusokkay также хорошо знает английский, русский, французский, немецкий языки и постоянно пользуется Интернетом.

Ямамити Ясуко (Asin Rera) из Нибутани. Она не столь продвинута, как Kamusokkay, знает только один диалект — Сару. Свою школу айнского языка в Нибутани она превратила в общину хиппи, которых пытается научить не только айнскому языку, но и айнской духовности. Все это, конечно, может вызвать легкую усмешку, но она действительно свободно говорит на айну и знает их историю и культуру не хуже Kamusokkay.

Нужно отметить что все, кто считают себя айну, могут сказать несколько обиходных слов на айну или поговорить на какие-то повседневные несложные темы. Поэтому, чтобы оценить число тех, кто действительно может говорить на айну, я предлагаю для начала ввести следующую шкалу уровней владения языком: 1 уровень — не знает ни одного слова на айну/ вообще не умеет говорить (Каяно Сиро); 2 уровень — знает выражения «спасибо», «здравствуйте», «как ваши дела», «до свиданья» (большинство виденных мною айну); 3 уровень — знает много айнских слов и выражений, но говорит по-японски, встраивая то и дело айнские выражения в японскую речь (Номото из Титосэ); 4 уровень — может построить связный монолог на айну на несложные темы: самопредставление, погода/ограниченные знание одного диалекта (Такано из Нибутани); 5 уровень — хорошо знает один диалект, может свободно говорить на любую тему (Asin Rera); 6 уровень — хорошо знает несколько диалектов, владеет разными стилями речи (Kamusokkay). Эта шкала позволяет, на мой взгляд, более точно оценить ситуацию: не просто говорит/не говорит, а как, насколько говорит, — и тенденцию ее развития.

Итак, кого же можно считать говорящим на айну? На мой взгляд, всех начиная от 5 уровня следует считать говорящими на айну.

Действительное число носителей айнского языка

Я встретился примерно со ста айну, и всего лишь двое из них могли говорить на языке айну. Поскольку это была случайная выборка, я полагаю, что возможно сделать экстраполяцию.

Согласно данным Каяно Сиро, всего имеется около 30 тысяч айну, точнее — 30 тысяч человек, идентифицирующих себя с айну. Я встретился всего лишь с одной сотней из них, и только двое могли говорить на языке айну.

Таким образом, легко можно заметить, что общее количество носителей языка айну примерно 600 человек, что составляет 2 % всех айну. Из этих 600 человек примерно половина, видимо, знает язык очень хорошо. В принципе если тех, кто находится на 4 уровне владения языком тоже рассматривать как говорящих, то тогда получится, что общее число говорящих составляет 3 % от общего числа айну (900 человек), и тогда только треть говорящих будут теми, кто знает язык хорошо. Важно отметить также, что нет достаточно четкой границы между 4 и 5 уровнями, и поэтому и тех, кто знает язык не ниже 4 уровня также можно считать говорящими на айну.

Конечно, это всего лишь первая попытка и было бы намного лучше выявить всех носителей языка, но на это потребовалось бы намного больше времени, чем один месяц. Я думаю, два-три года.

Опасные выводы

Конечно, 600 или 900 человек — это намного лучше, чем 15 или 5 человек, но в процентном отношении ситуация очень и очень печальная. Если мы посмотрим на такие народы, как баски, эскимосы, то увидим, что там число говорящих на соответствующих языках составляет 60–80 % от общей численности народа. Именно такой процент обеспечивает жизнь и нормальное функционирование языка, а 3 % — это гибель языка.

И это гибель не только языка, но и культуры. Что мы имеем в виду, когда мы произносим слово «культура»? В настоящее время, когда глобализация нарастает, когда антропологические различия между культурами стираются, когда почти все культуры используют одни и те же технологии, что может служить основой для идентификации личности как представителя какой-то конкретной этнической группы? Что может служить основой для определения культурной традиции?

В ситуации с айну мы не должны смотреть на антропологические типы, т.к. после смешанных браков между айну и японцами, имевших место на протяжении веков, айну практически утратили свой изначальный дзёмонский антропологический тип. Мы не должны смотреть не тех, кто показывает так называемые традиционные айнские обряды или носит айнскую одежду: большинство из традиционных айнских обрядов на са-

мом деле были выдуманы японцами для привлечения туристов (например, известный ритуал маримо или вырезание фигурок медведей).

Если мы хорошенько задумаемся над тем, что такое культура, то поймем, что культура — это не предметы и не одежда. Культура — это образ мышления, стиль поведения. А поскольку образ мышления и стиль поведения наилучшим образом находят отражение в языке, то язык и является основой любой культуры. Согласно Уорфу, через язык люди усваивают определенный образ мышления, определенное видение мира. Язык является ключом и первоосновой любой культурной традиции. В связи с этим в случае с айну, я полагаю, возможно утверждать следующее: на самом деле те, кто идентифицирует себя с айну, носит айнскую одежду, но не умеет говорить на языке айну, не должны рассматриваться как айну. Айну — только те, кто идентифицирует себя как айну и может говорить на языке айну. Поэтому я считаю, что на самом деле численность айну равна количеству носителей айнского языка.

Далее. Какую роль играют организация «Utari» или Фонд по сохранению и продвижению культуры айну, я думаю, теперь каждый может легко понять: основная задача таких организаций заключается в том, чтобы контролировать культуру айну. Эти организации на самом деле есть не что иное, как закономерное продолжение японского колониализма. Тот факт, что они выделяют денежные средства некоторым айну, всего лишь доказывает наш вывод: любая колониальная власть всегда выделяет в колонизированной народности некую группу, которой по сравнению с другими «туземцами» предоставляются особые привилегии, и через эту группу осуществляет управление и надзор за колонизированным народом, чтобы предотвращать любого рода выступления против колониационной политики.

Тем, кто действительно знает язык и хочет на нем говорить, не нужны деньги от японского правительства или от каких-то фондов, чтобы говорить на своем языке. Тем, кто действительно говорит, не нужно собираться на какие-то специальные сборища с целью поговорить. Тот, кто хочет говорить — говорит, а тот, кто не хочет — тому не помогут никакие фонды.

Все попытки сохранить традиционную айнскую культуру, такие как создание музеев, организация фестивалей, фонды или даже проект «Iwot» — организации особой резервации, где айну могли бы якобы жить по своей традиционной культуре: вместе со зверями на лоне природы, а японцы бы их изучали — все это всего лишь разновидность театра. Айну — это часть японского социума: они привыкли пользоваться автоматами по продаже кофе, покупать еду в комбини, петь караоке и играть

в патинку. Современные айну подчас знают о своей культуре еще меньше, чем японцы. Кроме того, в современной Японии совершенно невозможно вести традиционный образ жизни, потому что просто-напросто нет уже таких пространств нетронутой природы. Да и вообще в современном мире нет ни одной традиционной культуры, все так называемые *minorities* усваивают достижения Запада и развивают свои языки так, чтобы они могли описать любое явление современной действительности. А если ограничить область функционирования айнского языка только как языка традиционной культуры, то это всего лишь театр, а не обычное использование языка. Это вовсе не сохранение, а гибель и языка, и культуры.

Что следовало бы сделать для настоящего сохранения языка и культуры? Прежде всего, нужно всерьез подумать об автономии. Дело в том, что айну, к сожалению, настолько подавлены, что не могут думать ни о каких серьезных вещах. Но все же... Некоторые айну, например, всерьез думают о вооруженной борьбе и, для того чтобы овладеть военной наукой, идут служить в японские силы самообороны. Однако, мне кажется, что это больше похоже на игру, чем на реальный план, потому что эти айну совершенно не учитывают, каким будет ответ японцев, если они почувствуют какую-то настоящую опасность. На мой взгляд, айну следовало бы пойти по баскскому пути: отказаться от вооруженной борьбы и заняться борьбой экономической — заняться крупным бизнесом, организовывать айнские этнические корпорации, постепенно скупать земли на Хоккайдо, отказаться от традиционной культуры, развивать промышленность и постепенно «выветривать Японию» экономическим путем, полученные деньги вкладывать в развитие языка, и только тогда, обретя определенный вес, можно уже будет ставить вопрос об автономии и каком-то более или менее приемлемом статусе айнского языка, и это как раз и будет нормальным существованием культуры и функционированием языка...

К сожалению, сами айну не могут понять этого, и также не могут что-либо предпринять. Если бы они были басками, они бы уже что-то сделали. Но айну — не борцы. К сожалению, уже много лет. Теперь они не могут действовать. Современные айну подобны медведю, который сидит в клетке и ждет сладостей. Медведь, который забыл, кто он на самом деле, что он может легко сломать клетку и уничтожить тех, кто его туда посадил. Вся современная айнская культура подобна медведю в клетке...

1. http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=ain
2. Устное сообщение Мупасаки Кё:ко
3. <http://www.alles.or.jp/~tariq/>